

Двойные драконы зажигают огни, и на самом верху уже зажглась та самая драконья лампа, что в сердцах простых людей символизирует всеобщее благополучие и мир в поднебесной. В тот же миг в небе непрерывно зацветали фейерверки, озаряя всю императорскую столицу и придавая ей поистине ослепительное великолепие.

Гань Цзиньюань невольно посмотрел на стоявшего рядом Чжун Сибая. Яркие небесные салюты отразились в глазах Чжун Сибая, словно вспыхивая прямо у него в зрачках. Эта необыкновенная красота заставляла каждого, кто видел её, замирать от восхищения.

В конце концов, так и не дождавшись появления Чжан Чжилань, Чжун Сибай покинул праздник вместе с Гань Цзиньюанем.

Гань Цзиньюань считал, что, несмотря на некоторые неожиданности, в целом праздник фонарей удался.

Они уже удалялись от шумных улиц на пути к Резиденции князя Пина, как вдруг услышали чьи-то крики о помощи.

Гань Цзиньюань только подумал, что этот голос кажется ему знакомым, как Чжун Сибай уже бросился на звук. В каком-то переулке он увидел несколько отвратительных мужчин, которые связывали двух отчаянно сопротивлявшихся девушек. Чтобы те не шумели, двое из негодяев зажимали им рты руками. Как ни посмотри, это были злоумышленники с дурными намерениями.

— Руки прочь! — гневно приказал Чжун Сибай.

Мужчины обернулись, окинули взглядом одежду Чжун Сибая и, решив не наживать лишних проблем, лишь пригрозили:

— Мелкий сопляк, советуем не лезть не в своё дело. Если жить надоело — вали отсюда по-хорошему.

Чжун Сибай сурово посмотрел на негодяев:

— Вам отсюда сегодня не уйти. Схватить их!

В тот момент, когда Чжун Сибай произнес эти слова, рядом с ним находился всего один человек, поэтому бандиты тут же рассмеялись. Они уже собирались разразиться издевками, как вдруг из ниоткуда появились люди в черном и в мгновение ока, прежде чем те успели опомниться, скрутили их и повергли на землю.

— Отведите их в темзу, это дело так не закончится, — махнув рукой, распорядился Чжун Сибай.

Черноокие стражи отдали приказ и, взвалив бандитов на плечи, потащили их в управу.

Чжун Сибай подошел ближе, опустился на колени и принялся развязывать толстые веревки.

Стоило путам пасть, как служанка бросилась обнимать свою госпожу и горько заплакала, словно чудом избежавшая смерти...

Сама барышня держалась куда спокойнее — она прижимала к себе служанку и непрерывно её успокаивала.

Закончив с этим, Чжун Сибай наконец внимательно посмотрел на обеих. Разглядев лицо благородной девицы, он на секунду замер и спросил:

— Прошу прощения, не вы ли вторая барышня из дома чиновника Чжан?

В этот момент Гань Цзиньюаня, стоявшего позади Чжун Сибая, охлопывало странное чувство растерянности... Он никак не ожидал, что после стольких предосторожностей на празднике фонарей всё обернется именно так!

Разве можно было пройти мимо в такой ситуации? Этот ход оказался абсолютно безупречным! Гань Цзиньюаня едва не затошнило кровью — впервые в жизни он испытал столь горькое чувство поражения.

Услышав вопрос Чжун Сибая, плачущая в объятиях госпожи служанка тут же подозрительно покосилась на незнакомца.

Чжан Чжилань похлопала её по спине, отстранилась, поднялась на ноги и поклонилась Чжун Сибая:

— Вы абсолютно правы, молодой господин, я действительно вторая барышня из поместья Чжан. Позвольте выразить вам искреннюю благодарность за спасение жизни.

Чжун Сибай поспешно замахал руками:

— Не стоит, не стоит! Однажды мы уже встречались с барышней Чжан, неужели вы не помните?

В глазах Чжан Чжилань промелькнуло замешательство — судя по всему, она совершенно не помнила, что когда-либо встречала столь блистательного и утонченного юношу.

— Ну, раз не помните, то и ладно, — равнодушно бросил Чжун Сибай. — Сейчас уже темно, на

дорогах небезопасно, позвольте мне проводить вторую барышню Чжан домой.

Хэ Сян крепко вцепилась в рукав Чжан Чжилань, умоляюще глядя на госпожу — служанка была напугана недавним происшествием до полусмерти.

Хотя Чжан Чжилань внешне казалась спокойной, на душе у неё скребли кошки, поэтому она согласилась.

Все трое двинулись в сторону поместья Чжан, шагая плечо к плечу, и лишь одинокая фигура Гань Цзиньюаня плелась позади, источая некое подобие горького одиночества.

Чжун Сибай благополучно доставил Чжан Чжилань к воротам поместья и перед уходом торжественно пообещал ей:

— Не переживайте, я приложу все усилия, чтобы во всем разобраться как можно быстрее, а затем передам вам весточку.

Чжан Чжилань кивнула:

— Тогда я премного благодарна молодому госпожину.

Чжун Сибай улыбнулся, и в этот миг лицо его озарилось лунным сиянием — он казался неземным небожителем, поражая воображение своей неземной красотой.

— Пустяки, я должен был поступить именно так. Ну а я тогда пойду.

Лишь когда Чжун Сибай заговорил, трое присутствовавших наконец вышли из оцепенения.

— Счастливого пути, молодой господин, — произнесла Чжан Чжилань.

Когда Чжун Сибай уже отошел далеко, она всё еще продолжала смотреть ему вслед и задумчиво, словно витая в облаках, промолвила:

— Рядом с ним блекнет даже лунный свет... Какая же я после этого первая красавица?

Стоявшая рядом служанка опустила голову, глядя на собственные носки туфель, словно молчаливо соглашаясь с хозяйкой. Хотя Гань Цзиньюань уже расстался с Чжан Чжилань, на душе у него по-прежнему было тяжело. Всё из-за того, что улыбка Чжун Сибая резала глаза. Гань Цзиньюань никак не мог разделить его радость и даже хотел вырвать её из сердца Чжун Сибая, но, к сожалению, у него не было для этого сил.

— Я отправлюсь с отцом на границу.

Неизвестно по каким причинам, но Гань Цзиньюань взял и сообщил Чжун Сибайю новость, о которой так долго не знал, как сказать.

И действительно, улыбка на лице Чжун Сибай померкла, а вместо неё появились едва нахмуренные брови.

— Почему так внезапно? — спросил Чжун Сибай.

— Из приграничных земель пришли вести: иноземцы уже несколько раз тревожили приграничный город, выказывая явные признаки мятежного бунта. Ваше величество тоже намерен приструнить зарвавшихся иноземцев, так что в ближайшие дни наверняка будет издано императорское указ-повеление, и в этот раз я выступлю в поход вместе с отцом, — ответил Гань Цзиньюань.

Чжун Сибай молчал, словно не зная, что и сказать.

Гань Цзиньюань пристально посмотрел на него:

— Когда в один прекрасный день я вернусь, совершив ратные подвиги...

Чжун Сибай кивнул:

— Мм, я буду ждать тебя.

Прошло всего несколько дней, как Император издал указ, повелевающий великому полководцу Вэйюаню во главе большой армии спешно выдвигаться к приграничному городу, чтобы в случае вражеского нападения жестоко разбить иноземцев и прославить грозное величие нашей страны.

Узнав об этом императорском указе, Чжун Сибай явился во дворец с прошением последовать в поход вместе с армией, но Император без колебаний отверг его просьбу. И дело было вовсе не в опасениях, что у Чжун Сибай на уме какой-то злой умысел, — просто он не хотел с ним расставаться.

Гань Цзиньюань же, узнав, что Чжун Сибай ходил во дворец просить о походе, испытал крайне противоречивые чувства: его одновременно тронул этот поступок и позабавил. В конце концов он крепко прижал юношу к груди и не произнес ни слова.

Пожалуй, никакие слова не могли сравниться с этим объятием.

Накануне отъезда Гань Цзиньюаня из столицы Чжун Сибай навестил его, отдал ему оберег безопасности, который специально выпросил у высокоподобного монаха в храме, а затем ушёл.

В день, когда Гань Цзиньюань покидал город, Чжун Сибай не вышел его провожать, а остался один в резиденции.

Лишь глубокой ночью Император появился в покоях Чжун Сибая. Он присел на край кровати, глядя на свернувшегося в комок Чжун Сибая, и с легким вздохом произнес:

— Фу Цюань доложил Мне, что ты уже целые сутки ничего не ел. Разве ты не голоден? Человек уехал — это ведь не значит, что он не вернется. Зачем ты так убиваешься?

Сверток из одеял даже не шелохнулся, словно молча давая понять Императору, что тот ничего не понимает. Император слегка нахмурился и, не тратя слов на лишние разговоры, протянул руку и попросту вытащил его наружу. Однако, коснувшись его покрасневших глаз, он тут же замер и принялся озадаченно разглядывать Чжун Сибая.

Чжун Сибай потрыл свои покрасневшие глаза и хриплым голосом произнес:

— А, императорский брат, ты пришел.

Император кивнул:

— Слышал, ты целый день ничего не ел.

— Аппетита нет, не хочется, — тихо ответил Чжун Сибай.

— Даже если не хочется, все равно нужно есть! — не терпящим возражений тоном Император подхватил Чжун Сибая на руки, перенес к столу и усадил к себе на колени. С невозмутимым видом наблюдая за испуганным выражением на лице Чжун Сибая, он мягко заправил прядь волос за его ухо и с нежной улыбкой спросил: — Чего тебе хочется?

— ... — Чжун Сибай проговорил: — Императорский брат, опусти меня сначала.

Император крепче прижал его к себе, не выказывая ни малейшего намерения отпустить:

— Послушай, скажи мне, чего ты хочешь поесть? Я сам покормлю тебя.

— Не утруждай императорского брата, я и сам могу, — поспешно отозвался Чжун Сибай. Было очевидно, что выходка Императора напугала его не на шутку.

Но на этот раз Император твердо решил накормить Чжун Сибая во что бы то ни стало. Больше не спрашивая его мнения, он взял дело в свои руки: зачерпнул серебряной ложкой кашу и

поднес к его рту:

— Ну же, открой рот.

Внутри у Чжун Сибая все затрепетало, и он послушно приоткрыл рот.

Заметив крошечный язычок во рту Чжун Сибая, Император слегка потеммнел взглядом, отложил серебряную ложку с кашей и велел ему:

— Садись напротив.

Словно получив долгожданное помилование, Чжун Сибай со всех ног соскочил с колен Императора и устроился напротив него.

Император поправил полу одежды и, подняв глаза, невольно рассмеялся, заметив, как неуверенно и нервно ерзает Чжун Сибай:

— Я ведь просто пошутил, а ты и вправду испугался. Неужели ты всерьез подумал, что я стану кормить тебя с ложечки?

Чжун Сибай вздрогнул и тут же ответил:

— Ваш поданный не смеет.

Император покачал головой:

— Похоже, и вправду перепугался. Давай-ка съешь баранье ребрышко, успокой нервы.

С этими словами Император положил в миску кусок баранины и протянул Чжун Сибая. Тот взял его и принялся усердно обглаживать.

Какой еще плохой аппетит и нежелание есть? Перед лицом Императора у тебя найдется сотня способов послушно умять обед — хотя бы взять то, что произошло только что. Чтобы сам Император лично кормил Ванъе — это же сущий кошмар. Как бы сильно ни благоволил монарх, от такого внимания можно и рассудка лишиться!

— От твоего ребрышка одни кости остались, а ты всё грыжешь? Неужели у моего младшего брата есть такая странная страсть — кости обглаживать? — усмехнулся Император. Чжун Сибай замер на мгновение, посмотрел на баранье ребрышко, которое всё еще грыз, и обнаружил, что от него осталась лишь голая кость — всё мясо он сгрыз подчистую, даже не заметив этого. Если посмотреть со стороны, человек, так вцепившийся в кость, и впрямь выглядел любителем погрызть косточки... Ещё чего! Что за создание любит грызть кости!

Чжун Сибай невозмутимо вытащил эту кость из пиалы и положил на тарелку.

Император снова тихо усмехнулся, поднялся с места и подошел к нему. Наклонившись сзади, он почти вплотную прижался к спине Чжун Сибая, протянул руку через его плечо, забрал из его рук палочки для еды и лично положил в пиалу Чжун Сибая мясной шарик.

— Попробуй это.

Чжун Сибай забрал палочки обратно из рук Императора. Их руки невольно соприкоснулись, но оба, казалось, не нашли в этом ничего странного, словно это был самый обычный жест.

Так, за несколько подобных перепалок, Император скормил Чжун Сибая немало еды. Лишь когда тот, уже не в силах больше вместить ни кусочка, похлопал себя по округлившемуся животу, показывая Императору, что он сыт, Император с явным сожалением оставил его в покое — словно вошел во вкус и пристрастился подкармливать Чжун Сибая. Император позвал Фу Цюаня, велел ему убрать со стола всё лишнее, а сам поднял ванье на руки и отнес обратно к постели. При этом он не отпустил Чжун Сибая, а уложил его прямо у себя на груди, просунул руку под одежду и, касаясь его нежной, гладкой кожи, стал массировать донельзя набитый живот Чжун Сибая.

— Ваше величество... — в испуге попытался отстранить его Чжун Сибай.

Но Император, как ни в чем не бывало продолжая гладить и массировать переувлажненный живот Чжун Сибая прямо через одежду, произнес:

— Это поможет пищеварению.

Чжун Сибай: «.....»

Стоило ему только закончить трапезу, как под уверенными, но не слишком тяжелыми движениями рук Императора Чжун Сибай начал клевать носом...

— Спи.

Тихий, невесомый голос проник в уши Чжун Сибая, словно обладая чудодейственным снотворным эффектом. Сознание Чжун Сибая заволокло туманом, и он так и заснул прямо в объятиях Императора.

Внезапно почувствовав, что его кто-то перекладывает, Чжун Сибай полусонно-полунаяву сообразил, что очутился на кровати, и перевернулся на другой бок.

В полумраке сна ему слышался чей-то тихий вздох...

На следующий день, после вчерашнего переполоха, тоска от предстоящей разлуки значительно утихла, и сам Чжун Сибай почувствовал себя намного бодрее.

Стоило ему взбодриться, как он тотчас вспомнил о делах, которые еще не успел завершить. Чжун Сибай приказал передать Чжан Чжилань копию результатов допроса злоумышленников, ранее заключенных в темницу. Поразмыслив немного, он лично отправился в поместье Чжан и целый час провёл в кабинете чиновника Чжан, поведав ему всю предысторию этого дела. Услышав услышанное, чиновник Чжан был потрясен до глубины души. Он никак не ожидал, что кто-то в его собственном доме способен на столь зловеющий и жестокий поступок, но доказательства, принесенные Чжун Сибая, стали для него пощечиной,

от которой его лицо потемнело так, будто с него вот-вот готов был сорваться дождь.

Чжун Сибай лишь сообщил ему об этом и вовсе не собирался вмешиваться в то, как чиновник Чжан будет разбираться с делами собственного дома. Попивая чай и какое-то время наблюдая за меняющимся лицом чиновника Чжан, Чжун Сибай поднялся, попрощался с ним и покинул поместье.

Когда чиновник Чжан провожал Чжун Сибая из кабинета, тот случайно столкнулся со второй барышней Чжан — Чжан Чжилань. В её глазах мелькнул яркий огонек, однако она с обычным выражением лица слегка кивнула ему и прошла мимо, направляясь к выходу из поместья Чжан.

Чжан Чжилань пришла к отцу как раз по этому вопросу. Для неё это была возможность — редчайший шанс сделать так, чтобы люди из двора её наложницы-матери окончательно и навсегда лишились отцовской милости. Разве могла она упустить такую возможность? Правда, она никак не ожидала, что Чжун Сибай опередит ее на шаг. Смутно догадываясь о его истинной цели, она расспросила отца и тем самым подтвердила свои догадки, после чего искусственно разжалобила отца и в конце концов выведала личность того человека. Им оказался сам ванъе, пользующийся величайшей любовью и благосклонностью нынешнего Императора — князь Пин!

Эта новость повергла Чжан Чжилань в оцепенение. Она никак не могла поверить, что этот обладающий столь выдающейся внешностью молодой человек — тот самый толстый ванъе из ее детских воспоминаний!

Вспомнив его утонченную, поразительную красоту, вспомнив его высочайшее положение и то, как он без усталости помогал ей, Чжан Чжилань слегка покраснела, ощутив девичью стыдливость и пробуждение первых чувств.

Только такой прекрасный мужчина достоин ее...

Её служанка тихо стояла за ее спиной, опустив взгляд и храня молчание.

Время летело незаметно, сменялись времена года.

Чжун Сибай уже привык регулярно писать письма Гань Цзиньюаню, находившемуся далеко в приграничном городе. На самом деле их содержание сводилось лишь к описанию его повседневной жизни, но он занимался этим с неизменным удовольствием и усердием, словно в этих письмах таились все его сокровенные чаяния о Гань Цзиньюане — молитвы о том, чтобы каждый раз Гань Цзиньюань собственными руками распечатывал написанные для него строки, и надежды на его благополучное возвращение. Поначалу Гань Цзиньюань всё же присылал письма, в которых рассказывал Чжун Сибая о нравах и обычаях приграничных земель, а также о забавных случаях в армейском лагере. Каждый раз Чжун Сибай читал их так, будто переживал всё сам, и невольно с нетерпением ждал ответных вестей.

Однако со временем письма от Гань Цзиньюаня перестали приходить вовсе. Чжун Сибай списывал это на то, что военные дела на границе отнимают слишком много времени. В его сердце было куда больше тревоги за Гань Цзиньюаня, чем обиды, и он больше не допытывался, почему тот перестал отвечать, однако сам продолжал писать ему.

В один прекрасный день с границы пришла добрая весть о победе.

Полководцы во главе с военачальниками разбили вражеский стан, срубили голову вражескому военачальнику и сожгли запасы продовольствия неприятеля. Лишившись предводителя и провизии, варвары были вынуждены сдаться Великой Ци и в конце концов подписали договор о том, что в течение десяти лет не станут нападать на Великую Ци и будут ежегодно выплачивать дань.

Среди всех наибольшей заслугой обладал Гань Цзиньюань, ведь именно он отрубил голову вражескому главнокомандующему. К тому же ранее он неоднократно предлагал искусные стратегии и заложил прочный фундамент для будущих побед, благодаря чему их армия смогла одержать верх с минимальными потерями.

И всё же с момента их ухода из столицы до триумфального возвращения прошло целых два года.

В армейском лагере тоска по дому была обычным делом, и теперь, когда появилась наконец возможность вернуться, многие суровые воины смотрели в сторону родных мест со слезами на глазах, чувствуя себя словно во сне.

Гань Цзиньюань тоже всматривался вдаль, в направлении столицы, и крепко сжимал кулаки. Там его кто-то ждал...

Услышав новость о скором возвращении Гань Цзиньюаня, Чжун Сибай невероятно обрадовался. Он дни напролёт ждал того самого мига, когда они снова встретятся, и гадал, как же изменился Гань Цзиньюань за два года разлуки.

В день, когда Гань Цзиньюань наконец вернулся в город, Чжун Сибай вопреки обыкновению появился в тронном зале. Он не обращал внимания на подозрительные взгляды придворных сановников, заметивших его, — ему просто хотелось собственными глазами увидеть, сколь велика будет слава Гань Цзиньюаня.

Взойдя на престол, Император даже словом не обмолвился при виде Чжун Сибая, лишь приказал объявить о входе великого генерала Вэйюаня и остальных воинов.

Подняв взгляд и заметив стоявшего на коленях Гань Цзиньюаня, Чжун Сибай невольно улыбнулся долгожданной встрече.

Облик Гань Цзиньюаня стал еще более сосредоточенным и солидным, в нём появилась пронзительная, грозная аура, напоминавшая еще не обнаженный драгоценный меч.

Восседавший наверху Император по очереди осыпал похвалами и наградами каждого из отличившихся в бою военачальников. Те, разумеется, приняли волю Императора с благодарностью и выразили глубочайшую покорность.

— Маленькому генералу Ганю нынче уже исполнилось двадцать лет, не так ли? — Император бросил взгляд на Гань Цзиньюаня и обратился к великому генералу Вэйюаню.

У Гань Цзиньюаня внутри всё сжалось от дурного предчувствия.

Чжун Сибай тоже слегка нахмурился, чувствуя, что должно произойти что-то неладное.

— Отвечаю вашему величеству, моему недостойному сыну как раз исполнилось двадцать, — почтительно отрапортовал великий генерал Вэйюань.

— В таком возрасте уже пора обзавестись семьей, — произнес Император. — Так пусть же дочь чиновника Чжана, Чжан Чжилань, станет женой молодого генерала Ганя.

Присутствовавшие, разумеется, былилы наслышаны о том, что старшая дочь цензора Чжана, Чжан Чжилань, обладала красотой первой красавицы поднебесной. К тому же она была благородной девицей из знатной семьи, славившейся своей добродетелью и кротостью. Немало коллег по службе сватали её у чиновника Чжана, но тот всем неизменно отказывал, и никто не ожидал, что в конце концов она достанется семье Гань.

Герой в паре с красавицей — поистине прекрасная сказка.

К тому же в клане Ганей теперь было два полководца, так что их славе и влиянию не было предела.

Гань Цзиньюань торопливо опустился на колени:

— Ваше величество, ваш подданный...

Внезапно ощутив на себе острый взгляд со стороны, Гань Цзиньюань поднял голову и встретился с полными скрытого предупреждения глазами отца.

Заметив, как отец едва заметно покачал головой, Гань Цзиньюань на мгновение замер. Не смея взглянуть на Чжун Сибая, он глубоко опустил голову и сквозь жгучую боль в сердце произнес:

— Ваш подданный... повинуется воле государя.

Бросив взгляд на побледневшего Чжун Сибая, Император объявил об окончании аудиенции.

Словно в тумане вернувшись в резиденцию князя, Чжун Сибай сразу заперся в своей комнате и никого к себе не пускал.

Увидев это, Фу Цюань немедленно велел передать новость Императору во дворец.

Получив это известие, Император лишь махнул рукой, приказывая всем удалиться, и продолжил заниматься государственными делами.

Гань Цзиньюань всё же навещался в Резиденцию князя Пина, но Чжун Сибай всякий раз отказывался принимать гостей под предлогом недомогания. Какова была истинная причина, оба прекрасно понимали.

Хотя вины Гань Цзиньюаня в этом не было, в конце концов, он оставался непосредственным участником событий. Как Чжун Сибай мог смотреть в глаза другу, который собирался жениться на той, кого он сам любил? Ему оставалось лишь избегать встреч с Гань Цзиньюанем, чтобы хоть немного заглушить собственную боль.

На душе у Гань Цзиньюаня было горько. Он вовсе не желал, чтобы Чжун Сибай женился на Чжан Чжилань, но это вовсе не означало, что он сам жаждал этого брака. Больше всего на свете он боялся того, что теперь они с Чжун Сибаем станут чужаками друг другу. Однако этот брак был дарован самим Императором — как он мог пойти против высочайшей воли?

<http://bllate.org/book/21650/2234289>